

Оуэн Мэтьюз

СОВЕРШЕННО НЕПРАВИЛЬНАЯ ВОЙНА¹

Как вы думаете, Оуэн, что могло бы шокировать хорошо информированного читателя российских или американских газет и журналов, который, правда, никогда не бывал ни в Ираке, ни в Афганистане, если бы он сегодня посетил эти страны и воочию увидел, что там происходит?

В Афганистане вы были бы шокированы тем, как там все хорошо, а в Ираке — как все плохо. Ирак живет в бесконечном кошмаре и нигилизме непрекращающегося восстания против оккупации. Сами иракцы в состоянии, которое я наблюдал, например, в Чечне: люди совершенно иррациональны, у них нет ни планов, ни надежд на будущее, мировоззрение сужается до квартиры и семейного двора. Некогда богатое и развитое общество, по крайней мере, в Багдаде, не функционирует ни на каком уровне. Сильно впечатляет то, насколько парализовано иракское общество.

В Афганистане я довольно часто бывал с 2001 по 2004 год. Меня поражает то, насколько быстро афганцы сумели воспользоваться благами относительного покоя, как они быстро развиваются. Правда, надо заметить, с довольно низкого уровня. Если в Ираке, вместе с падением тоталитарного общества развалилась вся социальная и бюрократическая инфраструктура — все ветви государственности, коммуникации, правоохранные органы, то в Афганистане, поскольку там не было довольно долго никакой государственности, но довольно прочные местные системы, микросообщества на уровне племени или города, эти институты, как ни странно, довольно устойчивы. Из всего этого возникло живое, нормальное и быстро развивающееся общество. Вы были бы удивлены тем, как ключом бьет жизнь в Афганистане, что у людей есть надежда. Афганцы путешествуют, строят гостиницы и жилье. Но самое удивительное, что афганцы — это чудом сохранившиеся чуть ли не самые последние в мире фанаты Джорджа Буша.

1 Оуэн Мэтьюз — шеф бюро «Newsweek» в России.

Вы имеете в виду население Кабула?

Самые разные люди. Простым людям, правда, все это не очень интересно, но даже в глубокой провинции вы найдете людей, которые скажут американцам «спасибо за то, что вы нас освободили от талибана». Мне кажется, что Хамид Карзай пользуется уважением у людей, которые вообще думают о политике. Хотя Афганистан — это чисто средневековое общество, где люди идентифицируют себя с деревней, племенем, районом, но не с государством в целом.

Обе страны пережили интервенцию. Судя по вашим словам, одна страна являет собой пример того, какое благо она принесла, а другая — пример пагубности интервенции.

Смысл вопроса я истолкую так: насколько разумно насильем сменять коррумпированные или тоталитарные режимы. Я не уверен в том, что, отвечая на этот вопрос, мы можем делать какие-то общие выводы. Если разбирать причины, почему в Афганистане все развивается хорошо, а в Ираке плохо, то мы убедимся, что все они отсылают к местным особенностям. Абстрактно рассуждая, можно было бы допустить, что иракцы, представляющие древнюю культуру, будучи довольно богатыми, ранее входившие в состав британской колониальной империи, могли бы отнестись к американцам и британцам с большей симпатией, чем афганцы, которые выгнали англичан в 1842 году, которые известны всему миру своей гордыней и независимым характером. В реальности оказалось все наоборот.

В Афганистане очень мало заметно присутствие иностранных войск. Очень важно также, что все госучреждения там охраняют афганские солдаты. В Ираке все совсем не так. Очень важный символический факт, что на глазах у населения видимая афганская государственность присутствует, а наличие иностранных войск остается практически незаметным. Да и контингент там достаточно небольшой: 7-8 тыс. человек.

В Ираке же иностранные войска насчитывают 140 тыс. До недавнего времени там было не видно никаких признаков иракской государственности, что также нагнетает атмосферу возмущения среди населения. Правда, враждебность и возмущение испытывает довольно маленькая, хотя и активная часть населения. Шииты довольно тепло и позитивно относятся к американцам. Курды также довольно искренне считают американцев своими союзниками. Понятно, что там сейчас катастрофическая ситуация, но тем не менее можно сказать, что Ирак также демонстрирует, что нельзя говорить о невозможности смены режима насильственным путем.

Совсем недавно один из американских генералов в Ираке заявил, что Ирак после выборов 15 декабря находится на грани начала гражданской войны. Другой высокопоставленный американский военный опроверг это заявление. Насколько, с вашей точки зрения, реалистична перспектива гражданской войны?

Многие забывают, что *de facto* гражданская война началась в Ираке уже в 1991 году. С выводом войск из Кувейта начался процесс фактического распада Ирака. Весь юг был охвачен восстанием, а также и север, где восстали курды. К сожалению, хотя народы Ирака ожидали тогда американской помощи, США остались в стороне. Джордж Буш-старший опасался создания шиитского мусульманского государства, которое может теперь возникнуть благодаря усилиям его сына.

Гражданская война, таким образом, была просто законсервирована. Единственные, кто говорит об идее единого Ирака, это сунниты, поскольку они представляют самое слабое меньшинство. Соседние страны также не заинтересованы в распаде Ирака. Но страна и не распадется. Другое дело, что я не вижу причины, почему нужно сохранять сильное и централизованное государство со столицей в Багдаде.

Но если посмотреть в перспективе распада государственности в некоторых африканских странах — Сьерра Леоне, Берег Слоновой Кости — в них нет не только государственности, но и некоторого общего политического пространства со своими правилами игры. Не важно федеральная или централизованная государственность, но важно наличие общего экономического, правового, культурного поля, наличие агентов, занимающихся формулировкой и защитой национальных интересов. Должна, наконец, существовать некоторая идентичность, которая была бы шире, чем клановая или племенная, этническая или конфессиональная. Имеет ли целостность Ирака в таком смысле какую-то будущность?

Ответ на этот вопрос зависит от того, как на целостность Ирака смотрят иракские шииты. Сунниты — это потомки Насера, классические арабские националисты с некоторой долей коммунистической идеологии, желающие оставить все эти древние конфессиональные разборки в прошлом. Они в некотором смысле кемалисты, в духе Ататюрка ратующие за то, чтобы оставить в прошлом ислам и приняться за строительство нового общества. У шиитов сильна как арабская, так и конфессиональная идентичность. Большинство их политиков провели последние 20 лет в ссылке в Иране, то есть под опекой Тегерана. Откуда у них и сильные проиранские взгляды. Их идентичность довольно сложная, но именно от их взглядов зависит то, как можно ответить на ваш вопрос: единственный шанс сохранения целостного Ирака состоит в том, что эта идея будет воспринята шиитами. Что же касается курдов, то это прагматики, которые действуют всегда строго в своих интересах, поэтому с ними все ясно. Они понимают, что им никогда не удастся построить свою отдельную государственность. Им нужна видимость единого Ирака плюс сильная автономия в рамках федерации. Но именно курды, как ни странно, наиболее активно работают над восстановлением структур единого Ирака, поскольку им нужно существование этой условности. Они очень похожи на израильтян — знают что и кому сказать. Они хором вам скажут, что они — иракцы, но у них очень сильная курдская идентичность, кото-

рая стоит на первом, втором и третьем месте. Но как прагматики, они вам красиво расскажут, насколько необходимо существование единого Ирака.

Какую политическую роль в развитии сегодняшних процессов в Ираке играют оккупационные силы американцев и их союзников? Играют ли они стабилизирующую роль или наоборот?

Являются ли они частью проблемы или частью решения?.. Мне раньше однозначно казалось, особенно после начала восстания в апреле 2004 года, что оккупация стала частью проблемы, а не решения. Пожалуй, сегодня я в этом не так уверен. Расскажу очень странный и показательный эпизод. В октябре я был в Фалудже — городе, откуда пошло восстание, где стоит американская морская пехота. Там как раз проходил референдум. Местный совет, настоящее местное самоуправление, а не какие-то подставные лица...

Не коллаборационисты?..

Участники восстания их считают таковыми, но это авторитетные местные лидеры. Так вот, этот местный совет просил американцев охранять избирательные участки вместо иракских войск. Они настаивали, чтобы это делали именно американцы, поскольку в иракских войсках в основном шииты из южной провинции Наджаф. В центре Фалуджи находится Гражданский оперативный центр — своего рода военный штаб, который пытается помочь обычным гражданам решить какие-то вопросы. Туда иракцы приходят с жалобами на иракские войска, рассказывают, как они сжигают или воруют машины, дома, похищают людей и пр. Хотя все это трудно проверить, все же тот факт, что местное население хором говорит, что не доверяет иракским войскам — совершенно очевидно. Я также наблюдал круглый стол, на котором встретился американский посол с губернатором и представителями местного совета Фалуджи. Произошла странная сцена: муфтий Фалуджи просил американцев перевести всех иракских ребят, сидящих в иракских тюрьмах, в американскую тюрьму Абу Граиб. Муфтий говорил, пусть они там пробудут год или полгода, но мы будем уверены, что в конце концов мы их увидим, в иракских же тюрьмах они пропадут навсегда.

Я боюсь, что в Фалудже и суннитских провинциях, где иракские войска воспринимаются как шиитские войска и «иранские агенты», вывод американских войск обернется еще большей жестокостью. И это, конечно, плохо для США, поскольку они желают теперь поскорее выбраться из Ирака.

Насколько безопасно себя чувствуют иностранные журналисты и специалисты в Ираке сегодня? Можете ли вы описать структуру враждебности — в ком, например, средний иракский житель, обычный горожанин, сельский житель или участник восстания видит своего главного врага?

Сложилась странная ситуация. Никакой свободы передвижения не существует ни в Багдаде, ни в Ираке. Схема враждебности же выглядит следую-

щим образом. Как и в Чечне, иностранец в Ираке – это очень ценная вещь. Даже если тебя не похищают боевики, тебя могут похитить другие люди и им продать, поскольку у джихадистов, как правило, багдадцев, много денег. Опасны также непредсказуемые действия американцев, которые вдруг могут начать какие-то военные действия. Не координируя своих действий с ними можно попасть в трудную ситуацию. Наконец, довольно опасными являются ребята из иракской армии и полиции...

Те самые, которые находятся под формальным контролем американцев?

Они не находятся под их контролем. Это самостоятельные иракские войска, хотя и сформированные с помощью американцев. Все-таки их командиры не американцы. Какое-то сотрудничество есть, но на тактическом уровне. По крайней мере в Багдаде они самостоятельно выбирают свои цели и проводят операции, зачистки. Другое дело, западнее Фалуджи, в Амбаре, боевые действия ведут все еще американцы с поддержкой иракских войск.

А как организована пенитенциарная система? Есть иракские тюрьмы и тюрьмы союзников?..

Большой проблемой для американцев и союзников является сильная ангажированность местных войск и полиции. Интересный случай произошел в сентябре в Басре. Там иракская полиция арестовала или задержала двух специалистов SAS (Special Air Service). Они вступили в переговоры с британцами, чтобы обменять их на одного местного политического деятеля, арестованного за неделю до этого англичанами. Получается, что полиция действует как милиция, неформальная частная армия.

Есть одна катастрофическая проблема: у них нет никакой хорошо организованной системы следствия и дознания. Около Талафа, на северо-востоке, я наблюдал один рейд американцев. На операцию выехал целый батальон. Примерно 800 человек и 150 машин, в основном «Sstrickers», очень хорошая модель нового американского БТРа. Кроме того, были и вертолеты. Приезжаем в какую-то деревню. У всех сверхточные электронные карты с изображением улиц с точностью до одного метра. На каждого солдата расписан свой сектор. И вот по улицам маленькой деревушки движется такая колоссальная военная мощь. Взламывается первая дверь в три-четыре часа ночи. Обыски ведутся по какому-то списку. Оказывается, что информация на основе которой они действуют, совершенно очевидная ерунда: один из переводчиков, который работает на американцев, рассказал о разговоре со своим другом, поведавшим о каком-то слухе, услышанном им на базаре, что некто в этой деревушке торгует оружием. Я, как журналист, никогда не доверился бы подобной информации. Эти профессиональные солдаты умеют взрывать, убивать, захватывать, но не очень умеют вести следствие. Они ведут совершенно по-идиотски допросы жителей. По каким-то странным признакам они выделяют плохих и хороших, одних отпускают, других задерживают. Совершенная каша и чудовищная неэффективность.

Может быть, подобные операции стоит оценивать не по эффективности, а по их демонстративному эффекту? Показать силу, вызвать уважение...

Их действия принципиально отличаются, например, от зачисток в Чечне, которые я наблюдал в 1999–2000 годах своими глазами пять раз: в Урус-Мартане, в Шали, Шатое, Комсомольске... В Чечне в село входят войска, всех молодых людей выводят из домов, вместе сажают в поле. Затем из домов выносят диваны, кресла, всякую мебель, грузят на машины... Подпаливают какие-то дома. Если что-то не могут вынести из погреба – все расстреливают: консервы с помидорами и огурцами. Деревне – хана. Это настоящий террор – приехал хан Мамай.

Что касается американцев, в том, что они делают есть какой-то двойной смысл. Они врываются в дом, пинают двери, ищут каких-то людей или оружие, но когда ничего не находят, начинают раздавать газеты. Переводчик обязательно извиняется и говорит, что мы просто хотим освободить вас от каких-то «злодеев», а военные сразу на месте выдают компенсацию: наличными 20 долларов за выбитую дверь, раздают пакеты молока для детей. Затем, оставляют номер телефона, чтобы жители дома связались с ними, если будет какая-то интересная информация.

В этом всем есть демонстрация силы, но не такая, что «мы самые крутые» – это не сознательный террор.

А как проводят зачистки иракские войска?

Они гораздо жестче. Я не видел их действий на поле, но видел, как они работают в городе, насколько активно они обстреливают. Я провел неделю с иракскими войсками на улице Хайфа. Это было круто. Коэффициент контакта (обстрела) был стопроцентный. Мне это очень быстро надоело.

Многие действия и операции осложняет родоплеменная политика, особенно в суннитских районах. Садам стимулировал развитие этой системы, раздавая вождям подарки и деньги, усиливая авторитет вождей, укрепляя государственный патронаж над племенами.

Что на данном этапе хотят контролировать оккупационные войска? Каковы стратегические цели?

Цели очень простые. Они хотят, чтобы иракские силы безопасности сами контролировали ситуацию. Кроме того, они стремятся уничтожить очаги вооруженного восстания, которое постепенно сходит на нет. Последние большие бои были в октябре-ноябре в Ромаде. Сейчас довольно тихо, но тихо потому, что восстание переходит в другие формы – террористические. По сути, это более опасная тенденция. Что касается политических целей, то они сводятся к предотвращению раскола в стране и поощрению компромисса, чтобы худо-бедно выстроить какую-то государственность.

Критики оккупации говорят, что она стимулирует развитие партизанской войны.

Об этом трудно говорить наверняка. Сунниты сегодня более враждебно относятся к шиитам, чем к американцам. Подобная гражданская война могла бы начаться и без американского вторжения — режим Саддама мог бы развалиться иным путем.

Возможно ли решение тех стратегических целей, о которых вы говорили, при нехватке живой военной силы, о чем часто пишет американская пресса?

Проблема заключается в том, что Пентагон настаивает на сокращении воинского контингента. Казалось бы 150 тыс. человек — это достаточная сила. Но если взять отдельный батальон в 700 человек, то тех, кто выезжает на патрулирование и операции насчитывается меньше половины. Получается, что активных солдат там всего 50 тыс. Все остальные заняты штабной работой, логистикой. Персонала действительно не хватает. Даже посольства охраняют не военные, но сотрудники частных охранных фирм. Частных охранников насчитывается около 30 тыс.

Частная охрана — это жители западных государств?

Как ни странно, самую большую их часть составляют непальцы, так называемые гурки. Их в Ираке около 12 тыс. Все они хорошие профессионалы, ранее служившие в британской армии.

Каким образом американская администрация оценивает результаты кампании в Ираке? Возможно ли повторение подобных операций, скажем, в Сирии или Иране?

Думаю, что администрация понимает, что возможности нападения на Иран крайне небольшие. Вместо того, чтобы стать более сильными после вторжения в Ирак, американцы стали более слабыми. Во-первых, не хватает живой силы, войск. Во-вторых, нужен колоссальный политический ресурс внутри страны, чтобы вести войну. В-третьих, администрация исчерпала ресурс доверия. Особенно после того, как утверждения о большой угрозе со стороны Хусейна, о наличии оружия массового поражения в Ираке оказались глубоко ошибочными. Эти три момента говорят в пользу того, что администрации не удастся набрать достаточно сил, чтобы предпринять что-либо в отношении Ирана.

Но есть другая проблема: способна ли администрация предотвратить какие-то акции со стороны Израиля.

Насколько вероятно, что следующая американская администрация будет демократическая?

Не знаю. Хотя об этом говорят, но это не факт. Америка очень изменилась...

Какой будет политика США на Ближнем Востоке после Буша?

К сожалению, Усама Бен Ладен — с точки зрения асимметричной (т. е. слабого с сильным) войны — выиграл абсолютно. Главные параметры его войны:

провоцировать своего противника на акты глупости, которые его губят и ослабляют. Это сработало абсолютно гениально. Не уверен, что Бен Ладен так далеко смотрел. Но то, что Америка была спровоцирована на тотальную войну с исламом, стало катастрофической ошибкой. Мудрость политическая в том и состоит, чтобы не дать себя спровоцировать. Здесь произошло то же самое, что и в скандале вокруг Газпрома. Украина совершенно наглейшим образом спровоцировала Россию, которая в конце концов поддалась на эту провокацию и совершила серьезнейшую ошибку.

После террористической атаки на Нью-Йорк Бушу надо было продемонстрировать публике, что он защищает Америку. Но он нашел для себя совершенно неправильную войну – войну в Ираке. Думаю, что пройдет еще много лет, прежде чем Америка снова влезет в какую-то войну. Для этого поколения возможность одностороннего военного вторжения уже исчерпана. Накопилась слишком большая инерция против этой войны в Ираке.

С другой стороны, 11 сентября было событием не меньшего исторического значения, чем Перл-Харбор. Эта фундаментальная драма целого поколения американцев еще долго не забудется. Это значит, что следующий президент после Буша будет вынужден также доказывать американцам, что он обеспечивает их безопасность. Это будет первый для него вопрос.

А какова будет политика по отношению к Ираку конкретно?

Выйти, чтобы сохранить лицо, при этом доказывая, что в этой стране дела идут лучше, чем раньше.

Имел ли место в начале иракской кампании какой-то эгоистический экономический расчет?

Когда причину войны видят только в заинтересованности в нефти – теория «All about oil» – возникает существенная проблема. В XIX веке возможны были колониальные захваты, когда ты приехал в какую-то заморскую страну на кораблях, высадился там, перестрелял тех, кто оказывал сопротивление, отрубил голову местному князю, построил себе дворец, а затем стал собирать дань и отправлять ее регулярно в Англию. Эта ситуация довольно ясна. Но сегодня я не совсем понимаю, что значит «захватить иракскую нефть», как часто выражаются некоторые люди. Иракская нефть принадлежит сейчас министерству нефтяных ресурсов Ирака. Наверняка будут контракты на разработку этих месторождений. Это не похоже на то, что Америка «захватила» иракскую нефть. Может быть, был расчет на дешевую приватизацию энергетических активов страны. Но посмотрите, сколько стоила война...

Буквально вчера читал подсчеты Джозефа Стиглица о том, что война обошлась Америке в сумму от 2 до 3 триллионов долларов...

Да. Втрое увеличилась цена на нефть. Очевидно, что если хочешь дешевой нефти, то не надо начинать войны. Война – это способ получить очень дорогую нефть. Всю войну конституировал тезис, который непрерывно утвер-

ждался американцами, о реальной угрозе химического оружия Саддама Хусейна. Все дальнейшие действия опирались, не скажу на ложь, но на фальшивую самоубежденность.

А как такое оказалось возможно в Америке, которая считается демократической и прозрачной страной?

Это была классическая победа темных... Нет, скорее, теневых сил. Америка подчинилась логике, характерной для всякой сверхдержавы. Вся эта прозрачная пресса и общественность опиралась на ложную предпосылку: у ЦРУ «есть данные» о враждебных планах и возможностях Хусейна. Причем никто не хотел сказать, какие же это данные. Это еще одно доказательство того, что даже открытое общество может быть спровоцировано на войну другой частью общества, которое не является открытой. Буш был не первым человеком, который стал примером отсутствия политической мудрости. Линдон Джонсон очень хотел вывести войска из Вьетнама еще в 1967 году, но его убедили, что единственный способ вывести войска из Вьетнама — это одержать победу над Вьетконгом. Но для этого нужно еще больше войск. Джонсон, пришедший к власти с намерением вывести войска, напротив, ввел дополнительно еще 600 тыс. солдат.

Какое влияние оказывает война на американские вооруженные силы? Можно ли говорить, что война делает американскую армию коррумпированной?

Я представляю, как может глупо звучать мой ответ, но меня поразили уровень компетенции и профессиональной культуры в армии. Я был потрясен умом и компетенцией американских военных. Но их проблема в том, что они не очень хорошо понимают ту окружающую среду, в которой должны работать. Они не понимают Ирак. И это при том, что простой солдат зарабатывает около 17 тыс. долларов в год, а простой офицер, майор, около 70 тыс. В Америке это не очень большая зарплата. Частный же охранник может зарабатывать 200 тыс.

Но коррупция есть и огромная, но совсем на другом уровне и в другой области. Все эти посреднические фирмы, образовавшиеся вокруг армии, оказывающие ей услуги, строящие базы, поставляющие продовольствие и пр. Например, фирма может взять огромные деньги за оказание некоей услуги при крайне невысоких издержках. Или она придумывает работу, которую не надо будет делать. Самый классический на сегодняшний день пример коррупции, когда частная фирма берет деньги на инфраструктурный проект. Например, на восстановление электрической сети в каком-то морском порту Ирака. Но при этом они по дешевке нанимают иракских инженеров для выполнения работ, выигрывая на колоссальной разнице в зарплате западного и иракского специалиста.

А не могла ли быть «заложена» изначально, то есть еще до военной кампании, подобного рода коррупция на высоком уровне?

Я не верю в то, что Буш и его окружение затеяли войну для того, чтобы разбогатеть.

Какая сила в США может сегодня определить финал иракской кампании?

У меня складывается впечатление, что сегодня в Ираке, как ни странно, не очень много зависит от американцев. В широком смысле, дальнейшая схема развития Ирака ясна: иракцы будут выбирать демократическим образом органы самоуправления, а не превратятся в оккупированную колонию. Иракская государственность уже существует. Вопрос в том, как обеспечить ее эффективную работу и безопасность в стране. И трудно даже говорить о том, что страна оккупирована. Инициатива уже перешла к иракцам. Наступил новый этап.

Беседовали Валерий Анашвили и Руслан Хестанов